

ОЛЬГА ДАШКОВА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

|| ПОЛОСКИ. ДВОЙНАЯ ОШИБКА

Ольга Викторовна Дашкова
Две полоски. Двойная ошибка
Серия «Двойное», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69546472

SelfPub; 2023

Аннотация

– Узнала меня?– Нет.– А так?Пальцы мужчины сжимаются на горле, а страх сковывает мышцы.– Нет, вы ошиблись.– Нет? Ты уверена?Я узнала.Как такого можно забыть?Он стал старше и опасней.Но в ту ночь их было двое.Двое голодных хищников. А сейчас на меня смотрят глаза моего сына, и дышать становится нечем.– Ты подставила нас, и за это придется ответить.– Я не понимаю, о чем вы.– Скоро поймешь.Шесть лет назад я попала в нехорошую историю, и чтобы выбраться из нее, пришлось пойти на сделку. За все рано или поздно придется платить, но они не должны знать о моей тайне.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Дашкова

Две полоски.

Двойная ошибка

Глава 1

Апрель 2017 год

– Что ты умеешь?

– В смысле?

Мужчина смотрит с интересом, расслабленная поза, держит бокал с алкоголем. Рядом бутылка виски, две верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Темная растительность на груди, толстая золотая цепочка.

– Ты тупая?

– Нет.

– Про петь и плясать я тебя не спрашиваю. Что ты умеешь как шлюха?

– Огласите, пожалуйста, весь список. Что конкретно вас интересует?

– Шутница?

– Драматургия – моя лучшая сторона.

– Это когда тебя ебешь, а ты плачешь?

А вот это было пошло и грубо. Я поморщилась, прикусила

нижнюю губу.

Мужчина спросил серьезно, сделал большой глоток из бокала, посмотрел в окно. Там на фоне крошечной тьмы сверкал огромный и красивый город. Он вроде бы потерял ко мне интерес, думая о чем-то своем.

Хорошо, что я сама выпила, влила в себя три коктейля «Смерть в полдень», чтоб не тронуться умом от того, на что пошла. Кстати, его придумал Эрнест Хемингуэй, я бы много о нем рассказала, если бы этот мужчина мог испытывать интеллектуальные оргазмы.

Эрнест, абсент и шампанское – мои лучшие друзья на сегодня.

Я вполне в адеквате, может, еще не накрыло?

Стою ровно, держу спину, как на уроке хореографии, когда Эмилия Витольдовна всех хлестала по спине указкой, если та была недостаточно для нее прямая.

Ну вот, а я-то думала, зачем мне кружок хореографии? А оказывается, пригодился. Мой первый проституцкий дебют, будет что вспомнить на пенсии, если доживу.

Оглядываю номер: очень богатый, две спальни, гостиная, корзина с фруктами, цветы, шампанское, при виде его слегка передергивает. На стол небрежно брошены банковские карты, деньги, бумаги, макбук и два телефона. На полу две дорожных сумки, на диване пиджак.

Бизнесмен крутой, наверное. Взгляд как у акулы – презрение и холод. За тридцать, солидный, с харизмой. Конечно,

крутой, зачем бы он тогда понадобился спецслужбам?

И наверняка опасный, раз он им понадобился, и они под него роют моими руками.

А теперь вопрос: какое отношение к спецслужбам имеет двадцатитрехлетняя девица из Пскова, которая сейчас отражается в высоком зеркале шикарного номера люкс одного из дорогих отелей Дубая?

О, это длинная история, и я не хочу ее вспоминать.

Не сейчас.

– Насмотрелась? Делом заняться не хочешь?

Кстати, для клиента он вполне терпелив. Или просто никуда не торопится, и вся ночь для утех у него впереди.

Убирает бокал, расстегивает ремень, открыто показывая, чем мне нужно заняться. Сглатываю слюну, ладони мокрые, на высоких каблуках неудобно, но на мне самый провокационный наряд за всю жизнь. Мать бы, увидев в таком виде, перекрестилась и сплюнула.

Короткое платье-сорочка на тонких бретельках, черные пайетки, как чешуя, волосы собраны в высокий хвост. Массивные серьги, крохотная сумочка и туфли, естественно, в тон платью, с теми же пошлыми пайетками. Пятнадцатисантиметровая убийственная шпилька, я на них как на вершине Эвереста.

Не стоит говорить, что лифчика нет, как сказала Берта – это мой шлюханский стилист, – в их работе он лишняя деталь.

Кто я такая, чтоб спорить с профессионалами?

Облизываю губы, на них противный жирный блеск помады. Вспоминаю свою недолгую консультацию и сборы «на дело» у местной сутенерши.

Правил не так много, точнее, одно: «Клиент всегда прав».

Если сказал «соси», то будь добра, встань на колени и расслабь глотку.

Черт, меня сейчас вырвет.

– Ты новенькая, что ли?

– В смысле?

– Если ты еще раз скажешь это слово, я запущу в тебя бокалом.

Дура тупая.

Это все нервы.

Моя задача была предельно проста: прийти в номер клиента, незаметно оставить прослушку. Обратить внимание на то, чем он занят, вещи, документы, деньги. Вот для чего на мне массивные, тяжелые серьги, которые оттягивают уши.

Мужчина настроен не по-доброму. Глаза темные, брови сведены, взгляд уничтожающий, очень короткая стрижка, ухоженная щетина, четкий контур губ. Не смазливый красавчик, терпеть их всегда не могла.

Господи, о чем вообще думаю? Меня сейчас трахнут в рот, дай бог, если только в него, а я рассматриваю «клиента» и оцениваю его внешние данные. Надо что-то делать, а не стоять столбом.

- Да, новенькая.
- Русская?
- Из Пскова.
- Милый городок.
- Кому как. А вы откуда?
- Ты слишком любопытная для шлюхи.
- Почему же сразу шлюха? Это очень грубо.
- Проститутка?
- Ночная бабочка.
- Жрица любви?
- Эскорт.
- Пугана?
- Можно и так, – морщусь.
- Сопроводи уже меня к оргазму, шлюха из Пскова.

Улыбнулся, но лучше бы он этого не делал, получился звериный оскал, от которого озноб пошел по телу.

Надо срочно сочинить легенду, сделать все по-быстрому и свалить в закат, как выражается мой отчим.

С какой вообще стати я его вспомнила?

- А что, в Пскове работы нет?
- Есть, наверное, – пожимаю плечами.
- Ты пошла простым путем?
- А чего усложнять?
- И то верно, тогда приступай.

Сглатываю ком, что стоит в горле, меня уже начинает мутить от страха, организм так реагирует. Абсент в обнимку

с шампанским рвутся наружу. Первый раз в седьмом классе блеванула за партой, когда классная объявляла оценки за четверть.

Мать с отчимом меня убили бы за четверки. По их мнению, девочка должна учиться только на «отлично», быть скромной, правильной, покорной. Но там, в списке моих кровных и не совсем родственников, было много еще чего.

Назвался грибом – полезай в лукошко. Или как там?

Сука, да что ж сегодня я так часто вспоминаю слова и прибаутки отчима? Гори он, тварь, в аду.

Мне даже не придется имитировать тошноту, реально сейчас вывернет на ковер номера за много тысяч долларов.

– Ты, я надеюсь, чистая? В рот с резинкой берешь или нет? А то не люблю я все эти посторонние предметы.

Опять что попало не ответила.

– Да, у Берты все девочки чистые.

Что я несу? Так вжилась в роль, что того и гляди сама припаду к его члену и начну исполнять, пропихивая в гортань его агрегат.

– Разденься.

– Можно для начала в туалет? – перебираю ногами, до белых костяшек сжимая сумочку, смотрю на мужчину, он вроде бы спокоен, и ничего такого не заподозрил.

– Иди.

Семеню в указанном направлении, закрыв за собой дверь, опершись на раковину, часто дышу. Господи, ну и попала ты,

Успенская, в такое дерьмо попала, что не факт, что выкарабкаешься.

Но двое дяденек в строгих серых костюмах сказали, что это плевое дело, с моими-то мозгами и внешними данными ничего не стоит увлечь мужчин и сделать, что они просят.

Мужчин? Каких таких мужчин? Их что, больше, чем один?

Почему всем от меня что-то нужно? Я вообще не при делах в той истории, что произошла, я всего лишь переводчик, а не контрабандист или преступник, которого разыскивает Интерпол. Я не перевозила кокаин в вагине и бриллианты в желудке.

Так, нужно успокоиться, с виду вроде приятный мужчина, серьезный, костюм хороший. Снова тошнит, открыв воду, пью из ладошек, пульс зашкаливает. Пальцы дрожат, вытираю руки, отлепив от одной сережки с ее внутренней стороны камешек, зажимаю в кулаке.

Просто иди, Оля, и просто сделай это. Родина тебя не забудет, если что, похоронят под березками у реки.

Господи...страшно-то как.

Глава 2

Когда выхожу, он все еще сидит в кресле, что-то читает в телефоне, включаю свою фантазию, подхожу походкой гуляющей кошки, на ходу спуская бретельку платья.

– Скучал?

Ловко усевшись на подлокотник кресла, одной рукой веду по спинке, другой – по его плечу. Мужчина откладывает телефон, поворачивается, смотрит.

А я забываю, как дышать. В голове шум и ни одной мысли.

– Ты там что-то приняла?

У него карие глаза, красивые, цвета крепкого чая с черными лучиками от зрачка. Убийственные глаза.

Солидный, холеный. Думаю, за тридцать. Приятно пахнет, а мне хочется выпить виски прямо из бутылки, что стоит рядом. Я таких мужиков видела только в сериалах и криминальных новостях, обычно из их домов полиция выносила деньги сумками и чемоданами – слитки золота.

Левой рукой тянусь дальше, нужно закрепить этот треклятый жучок, на задней стенке кресла. Но, как только я это делаю, бедро сползает с подлокотника, и я начинаю заваливаться назад.

Перед глазами пролетает вся моя никчемная жизнь.

Мужчина ловит за платье, ткань трещит, лямки вырываются с нитками, я сама вскрикиваю, хватаясь за его плечи.

– Ты там нюхала что-то?

– В смысле?

Он поймал меня, потянул на себя, и теперь я практически голая с торчащей грудью, восседаю на его коленях и снова отвечаю неправильно на простой вопрос.

– В коромысле. В Пскове так отвечают непутевым шлюхам?

– Нет, нет, я не наркоманка. Ничего такого, клянусь. Я вообще в жизни никогда ничего не принимала.

Чувствую, это придется исправить, если я вживусь в роль и решу сделать карьеру проститутки.

– Ты шлюха, но неумелая. Я это уже понял. Вас по объявлению набирают, через газету?

– Да.

Шикарный ответ, но надо валить, часть миссии я уже выполнила, во вторую не пойду, это очень опасно. К тому же он спросил о наркотиках, как чувствует.

– Может, уже приступишь к основным обязанностям?

– Ой, я совсем забыла. Презервативы забыла.

– Говорила, что чистая.

– Для надежности.

– У меня есть.

– Нет, у нас свои, проверенные.

– Ты, милочка из Пскова, решила меня наебать?

– Нет.

– Тогда опустилась на колени и сделала то, за что тебе пла-

тят. А то я поставлю тебя сам и буду ебать, но уже очень грубо.

Он легко разрывает остатки платья, кидает в сторону. Моя кожа моментально покрывается мурашками, соски торчат, а тошнота вновь подкатывает. На скулах играют желваки, губы плотно сжаты, это плохой признак.

Чувствую его взгляд, он оценивает, проверяет, так что нутро сворачивается в комок. «Смерть в полдень» не помогает, предательница, я так на нее рассчитывала.

– Встань на колени. И возьми. Мой. Член. В рот.

Унижай и властвуй?

Кратко и по делу.

Круто ты попала, Олечка. Как кур в ошип, привет от отчима. Он всегда орал, что я буду проституткой, вот, Фёдор Петрович, сбылась ваша мечта, выпейте за это самогоночки.

А вот сейчас и проверим, насколько я покорна.

Кашляю, надеюсь, жучок уже заработал сейчас, те дяденьки в костюмах с каменными лицами, должны его отвлечь, и я смогу уйти. Но ничего такого не происходит, и вот именно в этот момент накатывает паника.

Меня грубо опускают на колени, не знаю, кого убьют первым, когда вернусь на Родину, если вернусь, еще и не по частям. Но если я хочу не остаться здесь навсегда и не продавать реально свое тело, нужно немного включить мозг и избежать всего этого.

Не такого я ожидала от деловой поездки переводчиком с

двумя бизнесменами. Твари, чтоб и они горели в аду, вместе с отчимом.

Оказывается, мой билет был куплен в один конец, денег у них тогда не было, все на счетах. И номер в гостинице оплачен на три дня, а их повязали на сделке.

А вот теперь еще вопрос. Откуда в лексиконе без пяти минут выпускницы факультета иностранных языков очень хорошего университета, гордости курса, умницы и красавицы, по словам завкафедрой, оказалось слово «повязали»?

Вместе с ними «повязали» и меня – как сообщницу, я даже не поняла, в чем. Но потом мне быстро разжевали ситуацию, и стало совсем хреново.

«Смерть в полдень» наконец ударила в голову – в ту самую, в которую меня сейчас будут трахать.

Я или бегу отсюда со всех ног, или вспоминаю все свои нехитрые навыки и скудный опыт минета.

Мужчина чуть сползает вниз, ширинка расстегнута, брюки приспущены, устраивается удобнее. От него приятно пахнет, теперь я снова могу разглядеть его ближе. Крупная ладонь, красивые пальцы, серебряные запонки.

Кто вообще сейчас носит запонки?

Дорогой, ухоженный, таких еще можно встретить на семнадцатом этаже высотки в центре, там офис какой-то крутой фирмы. Хотя нет, те лишь жалкое подобие в сравнении с ним.

– Ты точно шлюха или мимо шла?

И как он догадался?

Кошусь на дверь, сама опускаю руки на его колени, веду по бедру, накрываю член. Там, под тонкой тканью нижнего белья, такой внушительный бугор, и это он еще не стоит. Прикрыла веки, качнуло в сторону. Ну наконец-то, я думала, ты, родимый, никогда меня не накроешь.

С первого курса меня плохо брал алкоголь, а именно тогда я его и попробовала впервые, Чех напоил, а потом... нет, только не сейчас нырять в воспоминания.

Резкое движение, и теперь перед моими глазами его член.
«Оля, что ты делаешь? Беги!»

Это кричит мой разум, а абсент с шампанским разжигают в груди огонь.

Я как под гипнозом, смотрю на его член, обхватила ствол рукой. А это не так страшно, как секс на раз, будем считать, что мы познакомились в клубе, он меня напоил, привел к себе и сейчас...

Стоп.

– Ты уже откроешь рот или так и будешь его елозить? Тебя в школе шлюх плохо учили сосать? – спрашивает с ноткой недовольства.

Будь проклят тот день, когда я согласилась поехать в Эмираты. Я еще отыграюсь на Мироновой.

Ну, Оленька, с богом.

Задержав дыхание, резко вскочив на ноги, рванула в сторону двери, сумочка спадает с плеча, я путаюсь в тонком ре-

мешке. Ломая ноги на пятнадцатисантиметровой шпильке, лечу прямо в дверь, а она открывается перед моим носом.

– А тут, я смотрю, вечеринка началась без меня, Клим Аркадьевич, тебе не стыдно?

Мужчина, в объятия которого я попала, крепко прижимает к своей широкой груди. Он высокий, волосы темные, в глазах усмешка и предвкушение чего-то страшно порочного, отчего вновь сжимается нутро.

– Ты где ее взял? Заказал, что ли?

Мужчина выглядит моложе того, который все еще сидит со спущенными штанами в кресле. Нет, я даже толком и не разглядела его, потому что к абсенту и шампанскому в голову вместе с адреналином ударил страх.

– Я думал, это сделал ты.

– Как интересно. И откуда ты взялась, такая юркая мышка?

– Я... я...

– Да уже неважно, потом расскажешь, а сейчас к делу. Ты ведь за этим пришла?

Нет, господь в этот день был не на моей стороне.

Как, впрочем, всегда.

Глава 3

Семь утра.

Сажу в баре соседнего отеля, народу никого. В этой стране не принято пить с восходом солнца, но я не сделала еще ни глотка. Кручу по глянцевой поверхности стойки бокал с виски, а у меня на языке его вкус, оставшийся с ночи.

С той самой ночи, что закончилась несколько часов назад. А еще запах. Я пропитана им.

Стоит лишь вдохнуть и прикрыть глаза, как вижу картинки яркими вспышками, слышу свои крики, чувствую дрожь в теле. И как терпкое послевкусие случившегося – это муки совести и стыд.

– Попалась, малышка.

Игривый голос, мужчина прижимает меня к себе, горячие ладони ложатся на спину. Высокий, темноволосый, он практически несет меня на середину номера, а потом отпускает. Чуть не падаю на высоких каблуках на пол, прикрывая грудь руками.

– Клим, что тут происходит? Где ты нашел такую крошку-мышку?

– Сама нашлась.

– Сама – это хорошо, я люблю такие сюрпризы. И таких крошек-мышек. Кто привел?

– Сама пришла.

– А зачем пришла? Эй, зеленоглазка, ты слышишь меня? Ты понимаешь меня?

Нет, мы так не договаривались, говорили, что мужик будет один, что дело плевое, и меня быстро вытащат, если все пойдет не по плану. Сейчас точно нет никакого плана, пора вытаскивать. Или мне уже можно начать кричать: «Караул» и «Насилуют»?

– Эй? Она говорящая?

– Если бы ты не приперся, была бы еще и сосущая.

– Фи, Шахов, ты выражаешься, как пьяный сапожник.

– Где ты слышал пьяных сапожников? В консерватории?

Им весело. Я рада. Вот если бы во время этого нехитрого диалога я смогла бы прикинуться торшером и ускользнуть, было бы волшебю.

– Тебя как зовут?

Это он мне?

Как-то неуютно стоять при двух мужиках в одних трусах.

– Классная татуха. Ты верующая?

Прикрываю локтем крест с левой стороны на ребрах. Ему два года, с ним много связано, он со рваными краями, словно нарисован двумя мазками, он мне дорог, и дело не в вере.

– Это не ваше дело.

– Значит, говорящая. Ну, рассказывай.

Он моложе того, что в кресле. Шахов – так, кажется, его называли, а Шах – кличка? Хорошо, что член в брюки заправил, а то как-то было бы несолидно. Не нравится мне это.

Мне вообще все не нравится, все то дерьмо, в которое я попала, и что согласилась на убойную авантюру. А то, что они прибьют меня, моя задница чует.

– Что?

– Какого хрена ты здесь стоишь и трясешь титьками? Ты хоть в курсе, что в Эмиратах запрещена проституция? Или тебе мамка не сказала?

Второй повышает голос, милый весельчак пропадает по щелчку пальцев.

– Она из Пскова.

Скотина какая.

Вот кто просил его комментировать? Сидел бы и бухал дальше.

– Это все меняет, в Пскове, конечно, все можно. А чего так далеко забралась? В сексуальное рабство, что ли, попала? Приехала поступать и покатила по наклонной?

Да типун ему на язык. Но я в шаге от этого. И вообще-то, я поступила и иду на красный диплом.

В голове каша из матов и нелепых отговорок, надо выбрать что-то одно и сочинить складно. Чувствую я, что мужики серьезные, не шпана псковская, вот как тот смотрит, того и гляди нагнет стоя и поймет во все тяжкие.

А вот молодому весело, в глазах задор, черти танцуют самбу, у него черты лица аристократа, некий Казанова, утонченный сластолюбец и развратник.

Чуть капризный изгиб полноватых губ, красивые брови,

ему бы носить не джемпер и джинсы, а сюртук маркиза, который соблазняет каждый день новых девушек, и неважно, графиня это или ее служанка, он просто трахает то, что шевелится.

Почему всякая хрень лезет в голову? То отчим, то вот этот бред?

– Так и будем молчать, молодая, неверующая и нарушающая закон?

– Марк, давай она вернется к тому, от чего ты ее оторвал, уверен, это у нее получится лучше.

Такой надменный, наглый, слова холодные, злые.

– А поговорить?

– Очень смешно, дома поговоришь.

Марк подходит ближе, рассматривает меня, ведет пальцами по волосам, по плечу, я не двигаюсь, тяжело дышу.

– Тебе страшно?

– Нет.

Да кому я вру? Я сейчас блевану на ковер или обосрюсь.

– Страшно. А чего ты боишься?

– Ничего.

– Бесстрашная проститутка из Пскова. Хочешь, я тебе потом дам медаль? Могу на лбу отпечатать.

Какой шутник, я прям сейчас от коликов в животе помру.

– Тогда приступим, раз ты молчишь.

– К чему?

У этого Марка тоже карие глаза, улыбнулся, на щеках по-

явились ямочки. В него можно влюбиться. Но сейчас, в моей поганой ситуации, для этого совсем не время и не место.

– К тому самому, убери руки.

– Марк, не церемонься с ней, еще неизвестно, чем она занималась в ванной, может, наркоманка, вообще странная, непонятно откуда взялась.

Конечно, ему непонятно, а план был прост.

Ввалиться в его номер, отвлечь разговорами, мол, вы заказывали девочку, сделать все по-быстрому. А потом включить дуру, вот с этим выключателем у меня нет проблем, в отличие от мозгов и чуйки на мужиков. Сказать, мол, ошиблась номером, извини, дядя, не твой день, и все.

Аривидерчи.

Но все пошло по пизде, как говорит мой отчим. И снова здравствуйте, Федор Петрович.

– Нет, – слишком резко, но запоздало выкрикиваю опровержение.

– Нет? У тебя красивые глаза, как зеленые омуты, надо разбудить в них чертей. И вообще, ты слишком красивая для проститутки.

Он гипнотизирует, заставляет смотреть на него, касается моих рук нежно, убирает их от груди.

– Хочешь выпить?

– Нет.

Во мне еще не остыла кровь от «Смерти в полдень», мужчина не давит, не прессует, вздрагиваю, когда касается сос-

ка. Кожа вмиг покрывается мурашками, дыхание сбивается.

Я что, до такой степени слабая и голодная? Что вот так, первый встречный может трогать меня, а я ничего не стану делать?

– Так как тебя зовут?

– Милана.

Миланка Семёнова.

Она, как и отчим, всплыла в памяти неожиданно. Одногруппница моя – сука редкая.

– Милана из Пскова – звучит так себе.

– Можно я пойду?

– Конечно, нельзя. Как мы закончим, так и пойдешь, а мы еще не начали.

Все это время он трогает грудь, обводит подушечками пальцев ареолы сосков, отчего тело предательски наливается теплом и такими давно забытыми ощущениями.

Это все нервы, экстремальная ситуация, ты не знаешь, как разум поведет себя дальше. Если они начнут задавать вопросы, особенно тот Шах, или станут пытаться, я все расскажу. Я не героиня военной драмы и чувствую, что никто помогать мне не собирается.

Марк ловко снимает джемпер, теперь перед моими глазами широкая грудь, немного растительности, загорелая кожа. Подкачанный, поджарый, ни грамма жира, на шее кожаный шнурок с амулетом.

Этот точно не верит ни в черта, ни в бога.

– У тебя красивая грудь, – он обходит меня, встает за спиной, его ладони лежат на ребрах, чувствую дыхание. – И от тебя вкусно пахнет... корицей.

Змей-искуситель, такой от нечего делать трахнет кого угодно и где угодно. Может, он альфонс?

Но я сейчас не в силах анализировать чужое поведение, потому что не могу контролировать свое. А еще потому, что тот, второй мужчина, смотрит, насилуя взглядом. Он уже мысленно поставил меня на колени и вогнал свой член в рот, как и планировал это сделать.

Это какие-то, мать их, пятьдесят оттенков серого. Меня трогает мужчина, которого я впервые в жизни вижу, а другой при этом смотрит и начинает расстегивать рубашку.

Подвернула ногу, мне не дали упасть, подхватив на руки.

– Такая неловкая проститутка.

– Я не...

Прикусила язык, схватившись покрепче за шею мужчины.

В несколько шагов мы преодолеваем расстояние до спальни, полумрак, широкая кровать, я вскрикиваю, когда меня кидают на постель.

Оля! Оля, очнись!

Но сглатываю несуществующую слюну, когда смотрю на то, как Марк раздевается полностью. На его красивое тело, широко расставленные ноги, он опускается на кровать коленями, а я продолжаю лежать тюленем, ничего не предпринимая.

– Нет, нет... не надо... не надо...

Отползаю к спинке кровати, но меня резко тянут за лодыжку, разводя колени в стороны, треск ткани, я уже без белья, лишь в туфлях. Мне говорили, что ничего не будет, что те люди в серых костюмах не допустят секса, что помогут, придут.

– Не бойся, не бойся, малышка, если не будешь дергаться, то больно не будет. А если будешь послушной, то тебе даже понравится.

Глава 4

– Что, подруга, тяжелый день?

Берта грациозно для своей массы села на высокий барный стул, щелкнула пальцами, подзывая молодого человека.

– Гарсон, сделай нам два «Секса на пляже».

– Мне не надо.

Вот чего-чего, а секса мне хватило.

– Тогда один и быстро, у мамочки все внутри пересохло, как в пустыне. Здесь, сука, и так кругом пустыня.

В моей голове ни одной дельной мысли. Поправляю распушенные растрепанные волосы, делаю большой глоток виски, не чувствуя его вкус.

– Так как все прошло?

«Секс на пляже» появляется через тридцать секунд, Берта, отпив половину, блаженно закрывает глаза. Накладные ресницы, накладные ногти, боевой макияж, глубокое декольте. Она похожа на продавщицу из сельского магазина, что торгует не только карамелью на развес, а еще самогоном изпод прилавка и молоком от собственной Буренки. Была бы похожа, если бы, конечно, не то место, где мы сейчас находимся, и не моя о ней осведомленность.

Господи, Оля, ну как ты могла вляпаться в такое дерьмовое дерьмо?

– Так как прошло наше мероприятие? – Берта затяну-

лась электронной сигаретой, окутав меня паром с привкусом клубники.

Спросила так, словно я провела ночь не с двумя мужиками, которые вертели мной как хотели, а каталась на аттракционах в Диснейленде.

Мероприятие. Слово-то какое интересное.

Ой, да феерично, так понравилось, хочу еще.

Она это хочет услышать?

– Ладно, не отвечай, видок у тебя отвратный. А где платье?

– Осталось на поле боя.

– Оно сто баксов стоило.

– Скажи это спецслужбам, они возместят.

Она фыркнула, снова затянулась сигаретой.

Я была зла, но сил выплескивать негатив не было совсем.

А еще потрясена случившимся. Не то чтобы у меня никогда не было мужчин, они были, был даже тот, кого я любила. Но произошедшее ночью немного не укладывалось в голове.

Словно до завершения сбора огромного пазла осталось два кусочка, а нужен всего один. И в голове немного не укладывается, почему их два, когда вполне бы хватило и одного.

Берта вылила в себя остатки коктейля, снова щелкнула пальцами, парень без слов освежил.

– Ой, мать, ну ты, ей-богу, как в первый раз, ну трахнули, ну что случилось-то? Мир не треснул, небесное светило не упало на земную твердь.

Вообще-то, меня не каждый день трахают одновременно двое мужичков. Групповушка как бы не мой конек.

– А ты вообще откуда?

Стали так интересны ее сравнения с земной твердью.

– А откуда мы все? У нас с тобой одна необъятная родина.

– А как стала... ну...

– «Мамкой»?

– Да, – было неудобно спрашивать.

– Повысили меня, до этого топталась «в поле».

– Нравится?

– Конечно, вот таким, как ты, сопли вытирать после первого раза и мозги вправлять дурехам.

Снова появляется «Секс на пляже», но теперь женщина смотрит не на меня, а поверх головы, неприязненно морщится, хочу обернуться, но Берта останавливает.

– Полиция, они сейчас уйдут.

Не хватало еще загреметь в участок за проституцию, а на мне даже нет трусов.

– Кстати, классная рубашка, дорогая.

– Трофейная.

– Ты мне нравишься. Люблю здоровый цинизм.

– Ты их связная?

Берта громко смеется, обнажая белоснежный ряд зубов, делает глоток коктейля.

– Все мы тут связанные.

– Почему ты работаешь на них?

– Деточка, ты как с луны упала, мир – он гораздо сложнее, и тут рука моет руку, слышала такое выражение? Меня прикрывают от местной власти, давая той же власти нужные сведения об интересующих людях. Мои пташки много кого обслуживают, разговаривают немного, поднимут мертвого.

– Звучит как девиз. У вас нет профсоюза?

– Все у нас есть, я девочек не обижаю и никому не даю в обиду.

– Почему тогда они не послали профессионалку?

– Это палево, они бы поняли.

– А так я типа пришла пианино настраивать? Или продавать кексы от кружка скаутов?

– Ты определенно мне нравишься, оставайся. Устрою тебя шикарно, зуб даю.

А вот мне все это не нравится и не нравилось с самого начала.

Но как же я была счастлива, что меня наняли переводчиком, что я первый раз в жизни могу, наконец, воспользоваться своим загранпаспортом, который три года пылился в шкафу. Что я могу показать себя как профессионал, как квалифицированный переводчик, но оказалось, что все, кроме Эмиратов – пустышка.

Миронова, конечно, удружила. Сучка. От нее хорошего и ждать не стоило. Подкинула двух «крутых бизнесменов», которые на деле оказались предателями родины. Приехали продавать под видом перспективного проекта какие-то чер-

тежи, схемы, бумаги.

Ими потом тряс перед моим лицом один из двух серых костюмов, орал об измене родине, о политическом преступлении, о том, что за пособничество меня в лучшем случае сгноят на зонах Воркуты.

Кромешный ад.

– Так ты все сделала?

Жучок и зеркальце остались в том номере, как и разорванное платье, и стринги. К этому списку можно прибавить мой моральный облик шалавы, которой я все-таки стала, и недостойное приличной девушки поведение, так бы сказал отчим.

Я намеренно не спрашивала, что внутри круглого металлического футляра, знала, мне это не понравится.

– Да.

– Твоя свобода.

Берта скользит по барной стойке белым конвертом, царапает его края красным ногтем.

– А может, останешься? – вновь пододвигает конверт к себе. – Я тебе таких клиентов найду, в шоколаде будешь. А можно и на содержание пойти, на примете есть один до неприличия богатый шейх.

– Нет, я уж как-нибудь без шоколада и шейхов.

Выдергиваю конверт из ее цепких лапок, внутри мой паспорт, немного наличных денег, электронный ключ от номера этого отеля и билет на вечерний рейс в Москву.

Сука, так на родину захотелось, в слякоть, грязь, в промозглую серую столицу, в свою студию на Теплом стане с вечно лающей под окном собакой и соседкой с тремя детьми.

– Зря, ты – перспективная.

– Не думаю, что для без пяти минут выпускницы вуза с красным дипломом и знанием трех языков это единственный стоящий вариант.

– Да, у нас язык важен, но в другом месте.

– Смешно.

– Ну, тогда удачи, подруга.

– Служу России, – вырвалось как-то не по-доброму, но как уж смогла.

Кое-как спустившись со стула, медленно иду через холл, благо народу никого, лишь на ресепшене девушка и заселяющийся мужик. В лифте сняла туфли, а когда подняла голову и посмотрела на себя в зеркало, захотелось заплакать.

Прижав ладонь к губам, чтоб не сорваться в бабскую истерику, зашла в номер. Прямо посередине стоял мой чемодан, рядом – сумка. Наконец, содрала с себя мужскую рубашку, которую я прихватила, убегая засветло. Сейчас горячий душ, успокаивающий чай, крепкий сон, а вечером домой.

Что было, то прошло.

Где та тонкая грань между «сама виновата» и «стечением обстоятельств»? Ее нет, будем считать, что это все моя ошибка. Двойная ошибка.

Но как только оказалась под горячими потоками воды,

на меня обрушились фантомные боли воспоминаний. Я все помню: касания, ласки, голоса, жесткие толчки внутри своего тела, вкус спермы во рту. Язык и пальцы мужчины, доводящего меня до – не помню, какого по счету оргазма.

Что есть порок и где его границы?

Между ног влажно, воспалено, провожу пальцами между ягодиц, вздрагиваю, касаясь тугого колечка ануса.

Я взрослая девочка, я пошла на все сама и получила незабываемый опыт и ни с чем не сравнимое до этого дня удовольствие, приправленное страхом. Когда обострены все чувства, когда твое тело как натянутая струна, нервы лопаются, обрушиваясь незнакомыми эмоциями.

Правой ладонью накрываю крест на ребрах.

– Прости меня, – без звука, одними губами. – Я знаю, ты простишь. Ты всегда прощал.

Не хочу, но плечи уже вздрагивают, прошло столько лет, но почему так кроет именно сейчас? Именно здесь, после того, что случилось?

Боль скручивает нутро, сводит мышцы, мое тело сегодня жило своей жизнью, оно как будто очнулось от долгой спячки, взяло все, что упустило за эти годы.

Но это все ошибка.

Ошибка, которую нужно забыть.

Клим и Марк.

Марк и Клим.

Шах и Марк.

Шах и Мат.

Эти имена забыть будет трудно.

Глава 5

– Неужели такая скромница?

– Ты что-то имеешь против скромниц?

– Нет, но с ее профессией это странно.

Лежу голая, на меня пялятся двое практически обнаженных мужиков, при этом комментируя, бросая шуточки, словно я резиновая кукла и ничего не слышу.

– Вообще-то, я не проститутка.

– Да это уже неважно, Мила, или как там тебя?

Меня снова дергают за ногу, до боли сжимая лодыжку, Марк оказывается рядом, как раз между моих широко разведенных коленей, ведет другой рукой по бедру.

– Смотри мне в глаза, смотри, дыши, да, вот так, умница. Не сопротивляйся, ты ведь неглупая девочка, знаешь, что бывает, когда даешь отпор.

Это что, гипноз?

– Мы не хотим, чтоб тебе было больно, и ты ушла с плохими воспоминаниями.

– Мне похуй, с какими она уйдет, трясла титьками, завела, теперь пусть будет послушной и уже опустошит мои яйца.

– Шах, ты не джентльмен.

– Я даже слова такого не знаю.

– Нет, нет, вы не понимаете...

– Когда я вижу красивую девушку, я вообще перестаю что-

либо понимать.

– Аверин, хорош уже петь дифирамбы шлюхе, у меня сперма кипит, дай уже навалить ей в рот.

– Твое плохое воспитание сведет меня в могилу.

Меня касаются сразу везде две пары рук – внутренней стороны бедра, половых губ. Этот Марк, он словно знает, на что и как давить, чтоб я не могла дать отпор, а мой здравый смысл не начал бороться с реакцией тела.

Второй мужчина уже голый, он шире в плечах, на его груди густая растительность, большая татуировка, уходящая в пах, а там внизу внушительных размеров половой орган.

– Вы знаете...

– А давай ты свой сладкий ротик применишь по назначению? Завязывай уже трепаться, так тебе понятно?

Ступор, перед моими глазами раздутая головка члена, мужчина оттягивает крайнюю плоть, сжимает ее, тыча в лицо.

– Шах, не пугай девочку, она все сделает сама, без всех этих истерик, так ведь, мышка-мальшка?

Оля, беги!

Возникает единственная правильная мысль, но тело не реагирует, потому что Марк припадает к груди, нежно втягивая сосок в рот, при этом стимулируя клитор, проникая в меня пальцем.

У меня не было секса давно.

Очень давно.

Я безбожно теку, низ живота наливается тяжелым горячим свинцом, а он все продолжает играть с грудью, прикусывая, дразня распухшую плоть, которой так давно не касался мужчина.

– Шах, потрогай, какая мышка мокрая, а еще голодная, да, девочка?

– Голодная шлюха? Вот это нам повезло.

Во рту пересохло, я не в силах ничего сказать, смотрю в глаза своего соблазнителя, сейчас они стали еще темнее, как моя порочная, грешная душа.

Трогают снова, теперь двое мужчин натирают эпицентр моего возбуждения, приподнимая под ягодицы, размазывая мои собственные выделения по половым губам и анусу.

Вот же черт! Черт! Черт!

Твою же мать!

– Господи... – с губ сорвалось совсем не то слово, вторую грудь мнет другой мужчина, он плохой, злой, так мой мозг воспринимает его. Но я выгибаюсь дугой, когда вижу, что теперь они одновременно ласкают грудь, проникая в меня, натирая, дразня клитор и попку.

Я забыла, как это – сгорать от страсти.

Скоро будет два года как.

Я похоронила себя вместе с Чехом, никого не подпускала, шарахалась от любого намека на секс или флирт. Но стоило оказаться в полном дерьме, как организм отключил все барьеры и снял запреты.

– Открой ротик, давай, давай, девочка, не заставляй меня делать тебе больно и спрячь зубки. Это по-джентльменски, Аверин?

Это точно не транс?

Как я так быстро сдалась?

Пальцы Марка проникают неглубоко, но этого достаточно, чтоб по телу прошла первая судорога, предшественница оргазма. Моего голодного, он правильно сказал, такого необходимого оргазма.

Смотрю в его глаза, облизываю и кусаю губы, веду бедра, ловлю в зрачках мужчины всполохи пламени. Но мне не дают долгожданной и такой желанной разрядки. Меняют позу, переворачивая на живот, упираюсь локтями в кровать.

– Ебать, Аверин, завязывай с этими сексуальными играми.

– Клим, ты животное, дай девочке кончить. Смотри, как ее трясет.

– Я голодное животное, обо мне подумать некому.

Меня немного приподнимают, небольшая заминка, шорох фольги, пальцы снова массируют клитор, а потом Марк входит в меня, одним плавным, но глубоким движением. Я сжимаю пальцами покрывало, кричу, задыхаясь от эмоций.

– Давай, давай, открой рот, возьми его.

Это точно все сейчас происходит со мной? Или это кадры какого-то очень, сука, откровенного порно-ролика, как растлевают непутевую проститутку?

Я слушаюсь его, прикрываю глаза, отпускаю себя, отдаюсь двум незнакомым мужчинам. Моя «Смерть в полдень» наступает именно сейчас, голова идет кругом, они двигаются во мне одновременно, Марк гладит по спине, тот, кого он называет странным прозвищем Шах, наматывает мои волосы на кулак. Он наклоняет мою голову, проникая очень глубоко.

Солоноватый вкус, гладкая кожа, член проникает до самой гортани, с трудом помещаясь во мне наполовину. Внутри все горит, мышцы выворачивает, толчки внутри меня становятся более яростными. Меня сейчас именно трахают, как это делают голодные мужики. Но боль сменяется удовольствием, не понимаю, в какой момент срываюсь на крик, хочу соскочить с него, но мне не дают, удерживая, прижимая плотнее.

Я задыхаюсь, но уже от слез и эмоций, тело колотит в параличе удовольствия, не могу разобрать ни слова, хочу оттолкнуть Марка, но получается, что прижимаюсь к груди Шаха, царапая его кожу. А он, опустив руку, трогает меня между ног, ухватив и передавив шею пальцами.

– Какая хорошая девочка, да, мышка, сожми меня сильнее.

– Не могу... не могу больше... не надо.

– Надо, надо, мы ведь только начали.

Это Шахов, он говорит в губы, хватка на шее слабеет, теперь он проникает в рот пальцем. В полумраке спальни я вижу, как пульсирует вена на его виске, как он плотно сжимает

челюсти, а мне становится страшно.

Нет, не потому, что меня могут убить или покалечить, не потому, что мой обман откроется, этим мужикам все это не нужно. В его глазах голод, голод зверя, и его надо утолить. А я боюсь, что все, что будет в следующие несколько часов, может мне понравиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.